

УДК 1(091):164

ББК Ю 3(0)32

И.С. Лузянин, Н.В. Столбова

ЛОГИКА ФОРМ И ЛОГИКА ФИГУР В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЙ ОПРОВЕРЖЕНИЯ СОФИСТИЧЕСКИХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ

Рассматриваются два варианта умозрительного нахождения истины в споре: с одной стороны, диалог Платона, где значимость имеет конфигурация фигур участников диалога, а с другой стороны, руководство общими правилами раскрытия софистических умозаключений, представленное Аристотелем. Обращение к этим практикам является не случайным, так как рассмотренные подходы до сих пор являются базисными при постановке проблемы для дальнейшего ее раскрытия в рамках научного познания.

Ключевые слова: *диалог, софистические опровержения, фигуры, формы, умозаключения.*

На сегодняшний день многие авторы упрекают логику в ее несовершенстве, аргументируя это тем, что противоположности, которыми она оперирует, не находят реального выражения в жизни. Четко очерчивая истину и ложь, мы вынуждены как бы укладывать жизнь на прокрустово ложе противоположностей [6, с. 164], тем самым формируя свою реальность, а не выговаривая объективно существующую. Но философия античности, особенно в лице Платона и Аристотеля, конечно же, такой подход не разделяла. Для нее истина присутствует изначально, но скрыта, соответственно, логически выстроенный диалог – средство ее поиска. Обозначить путь нахождения истины в диалоге – вот та задача, которую ставили перед собой Платон и Аристотель. С этих позиций диалог, не ведущий к истине, а, наоборот, уводящий от нее, является бессмысленным или даже вредным с моральной точки зрения. Поэтому стратегии нахождения истины приобретают в античной мысли еще одну окраску – антисофистическую. Несмотря на то, что софисты первыми обратились к проблеме человека, а также к проблемам этики, риторики, языка, они получили негативную оценку со стороны своих современников, так как преследовали, в том числе, меркантильные и прагматические цели (стремились набрать как можно больше учеников, взимая с них плату за обучение;

© Лузянин И.С., Столбова Н.В., 2012

Лузянин Иван Сергеевич – студент гр. АТППб-10 электротехнического факультета ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: luzyanin_ivan@mail.ru.

Столбова Наталья Викторовна – ассистент кафедры философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: pilthekid@mail.ru.

использовали приемы риторики в политике с целью наживы и пропаганды имморализма и т.д.).

Итак, античная мысль в борьбе (или в диалоге) с софистами пытается выстроить пути нахождения истины, в ее рамках для решения этой задачи вырабатываются две стратегии. Первую, разработанную Сократом и, позднее, Платоном, мы будем называть «логикой фигур», подчеркивая тем самым значимость конфигураций персонажей в ходе ее реализации. Стратегию же Аристотеля, ориентированную на нахождение общего правила и оперирование им, мы обозначим вполне тривиально «логикой форм».

Для анализа «логики фигур» основным нами выбран диалог «Протагор». Несмотря на то, что он является одним из ранних произведений, в нем достаточно четко прослеживается подход автора к рассматриваемой теме. Так, например, А.Ф. Лосев в своих знаменитых комментариях к диалогам Платона отмечает, что «Протагор» является завершением сократического периода творчества Платона, где уже рассматриваются не отдельные добродетели, такие как, например, мужество или дружба, а добродетель в целом. Здесь уже начинают работать понятия «идея», «сущность», через призму которых в более поздних произведениях будут выражены основные философские подходы автора. А усложнение объекта исследования ведет к усложнению и подходов к его изучению [2].

Диалог «Протагор», по сути, состоит из трех частей: диалог Сократа с другом, с Гиппократом и с Протагором. Первая часть – вводная, она помогает понять, о чем идет речь: Платон рассказывает о месте, времени проведения диалога и частично знакомит нас с действующими лицами. Перед нами выстраиваются фигуры: Сократ, некий Гиппократ, который желает учиться у софистов и, собственно, приводит Сократа к Протагору, софист Протагор, а также Гиппий и Продик (влиятельные софисты), красавец Алкивиад и многие другие интересующиеся философией лица. В основном, диалог разворачивается вокруг Сократа и Протагора, чьи подходы сталкиваются в данном тексте. Хотя другие персонажи также занимают определенное место. Так, например, вторая часть диалога, которая помогает понять суть разговора, выстраивается вокруг Гиппократа. В ней Платон впервые демонстрирует сократический метод ведения диалога – он задает наводящие вопросы: «Скажи мне, Гиппократ, вот ты теперь собираешься идти к Протагору, внести ему деньги в уплату за себя, а, собственно говоря, для чего он тебе нужен, кем ты хочешь стать?» [3]. Далее пытается выяснить у Гиппократа, знает ли он что-нибудь о софистах: «Ты намерен предоставить попечение о твоей душе софисту, как ты говоришь; но, право, я бы очень удивился, если бы ты знал, что такое софист. А раз тебе это неизвестно, то ты не знаешь и того, кому ты вверяешь свою душу и для чего – для хорошего или дурного». После чего Платон, не добившись какого-либо определенного ответа от своего собеседника,

высказывает устами Сократа свое мнение о софистах и сравнивает их с купцами или разносчиками припасов. Он полагает, что они также не знают и сами, что в их учении на пользу, а что нет, и просто предлагают приобрести знания, словно товар на рынке. Размышляя таким образом, Сократ и Гиппократ приходят к общему мнению.

Третья часть является основной, в ней Платон полностью раскрывает методику ведения диалога своего учителя. В диалоге Платона Сократ вначале задает Протагору один вопрос: в чем именно будет совершенствоваться Гиппократ, будучи учеником Протагора. Протагор на это предлагает длинную и пространную речь, половина из которой – миф, а другая – логическое объяснение. Платон отмечает, что речь была произнесена напоказ. Несмотря на то, что Протагор мог объяснить все логически, он прибегает к мифу, чтобы, с одной стороны, сделать речь красивой и завораживающей, с другой – запутать собеседника, ведь увлекшись красноречивостью высказывания можно не уловить его смысл. Для создания же видимости действительного доказательства Протагор использует вторую часть, в которой логически объясняет суть вопроса. Сократ восхищается мастерством софиста, однако не упускает сути высказываний последнего. И сразу же задает ряд вопросов, проверяя Протагора и отмечая логические ошибки в его речи. Основным обсуждаемым вопросом: «Есть ли добродетель нечто единое, а справедливость, рассудительность и благочестие – ее части, или же все то, что я сейчас назвал, – только обозначения того же самого единого» [3]. Остальные вопросы базируются на нем и приводят Протагора к противоречию. Протагор изначально утверждает, что добродетель едина, справедливость, рассудительность и все прочее в этом роде – ее части, не похожие друг на друга. Но затем выясняется, что они похожи, что заводит Протагора в тупик. Он пытается откреститься пространными замечаниями по поводу единства всего и утверждает, что если так рассуждать, можно доказать, что все одинаково. Таким образом, Платон показывает первый способ построения диалога: последовательный разбор понятий и приведение собеседника к неразрешимому противоречию.

Далее в диалоге Сократ предлагает Протагору высказываться проще и короче, так как многие не понимают смысла в его речах и забывают, о чем идет речь. Протагор отказывается принять правила, но собеседники находят компромисс. Протагор предлагает на рассмотрение Сократа песнь Симонида, которая, по его мнению, содержит противоречие. Симонид сначала утверждает, что трудно «стать» хорошим, а затем бранит Питтака за то, что тот утверждает, что хорошим трудно «быть». Платон приводит полный разбор этой песни, в котором доказывает, что быть хорошим невозможно, так как для того, чтобы быть хорошим надо быть плохим, можно лишь стать хорошим на определенное время, а это действительно трудно. Тем самым он удовлетворяет Протагора и предлагает ему вернуться к начатому разговору. Вернув-

шись к начатому, Сократ снова приводит ряд наводящих вопросов, полностью разбирая понятия и оставляя собеседнику возможность только соглашаться или отрицать. Однако на этот раз путем рассуждений о смелости и мужестве Сократ доказывает, что смелость может получаться из знаний, т.е. человек, знающий что-либо смелее, чем незнающий, а следовательно, и добродетель тоже может считаться знанием. Протагор же, прежде утверждавший, что добродетели можно учить, теперь отрицает, что она есть знание, т.е. они приходят к противоречию, которое предлагается обсудить позже.

Из вышесказанного можно получить методику ведения диалога у Платона: спрашивающий сам разбирает понятия, предоставляя собеседнику говорить «да» или «нет». Он задает наводящие вопросы и принуждает следовать своей логике рассуждений. Словом, спрашивающий несет ответственность за диалог и за те противоречия, которые в ходе его возникают. Таким образом, фигура спрашивающего занимает центральное место в диалоге: вокруг нее все выстраивается. Недаром главным героем платоновских диалогов является Сократ. Он является как образ мудреца, даже как некий «гарант» нахождения истины. Фигуру Сократа в принципе заменить невозможно, причем не только в диалоге «Протагор», но и в любом, так как Сократ – главный персонаж логики фигур. Мы можем легко проиллюстрировать это, взяв два простых примера из «полярных» диалогов «Менон» и «Евтидем». «Полярных» в том плане, что в первом случае роль фигуры отвечающего сведена к минимуму, а во втором – к максимуму (в «Евтидеме» отвечает сам Сократ). В диалоге «Менон» доказывается первичность истины по отношению к диалогу: раб при помощи наводящих вопросов доказывает теорему Пифагора, тем самым воспроизводя истину. Сократ, для того чтобы доказать Менону, что мы ничего не познаем, а только припоминаем, просит позвать одного из рабов, и вступает с ним в диалог. Для Сократа это диалог равных, так как истина изначально присутствует в равной степени как в рабе, так и в самом философе. «Смотри же, как он выпутается из этого затруднения, ища ответ вместе со мной, причем я буду только задавать вопросы и ничему не стану учить его. Будь начеку и следи, не поймаешь ли меня на том, что я его учу и растолковываю ему что-нибудь, вместо того, чтобы спрашивать его мнение» [4], – говорит Сократ Менону. Но все же наводящие вопросы Сократа несут основную смысловую нагрузку (сам он изначально знает доказательство, причем именно указанным методом (хотя можно привести и сотню других)). Он сам раскрывает следующий шаг, прибавляя «не так ли?», например:

Сократ. Так разве не получатся у нас четыре равные между собой стороны, образующие вот этот [новый] квадрат?

Раб. Верно.

Сократ. А теперь посмотри, какой величины он будет.

Раб. Не знаю.

Сократ. Но разве каждый из четырех [малых] квадратов не разделен такой линией пополам? Так или нет?

Раб. Разделен» [4].

Раб только соглашается или выполняет простейшие расчеты, например, считает, во сколько раз четыре больше двух. Таким образом, Сократ ответственен за то, чтобы привести ученика к правильному ответу или же запутать его. Но Сократ всегда выбирает первый вариант, согласно своим мировоззренческим установкам. И в этом его главное достоинство по сравнению с софистами, которые действуют по обстоятельствам, руководствуясь своей выгодой. Окажись на месте Сократа софист, преследующий другие цели, и раб бы не справился с поставленной задачей. Таким образом, в «Меноне» также диалог изначально ориентирован именно на фигуру нацеленного на нахождение истины Сократа.

В «Евтидеме» мы видим обратную ситуацию: Сократ в споре с софистами выступает в роли отвечающего. Но эта роль занимает им не изначально: он заменяет собой юношу Клиния, который в результате диалога только осмеян, так как показывает свое невежество, запутавшись в хитросплетениях выстраиваемых софистами доводов. В результате диалог приобретает двойной характер: с одной стороны, он идет между софистами и Сократом, а с другой – между Сократом и Клинием. Своим примером философ учит юношу «общению» с софистами: «Такова игра познания – почему я и говорю, что они с тобой забавляются, – а игрою я именую это потому, что, если кто узнает множество подобных вещей или даже все их, он ничуть не лучше будет знать самый предмет – какова его суть, – а сумеет лишь забавляться с людьми, подставлять им ножку, используя различия имен, и заставлять их гадать – так кто-нибудь смеется и развлекается, выдергивая скамейку из-под ног у намеревающихся сесть и глядя, как они падают навзничь» [5].

Перейдем теперь от логики фигур к логике форм. В отличие от диалога Платона «Протагор», трактат «О софистических опровержениях» представляет собой монолог Аристотеля, в котором он раскрывает сущность софистических умозаключений. В этом трактате описываются способы опровержений тех или иных высказываний, т.е. способы ведения диалога. Трактат Аристотеля написан научным языком, так как представляет собой переработанное и формализованное изложение взглядов автора на софистику и на ведение диалога в целом. В отличие от Платона, понятийный аппарат которого почти не содержит терминологии и состоит из простых и понятных конструкций, у Аристотеля в понятийном аппарате встречается специальная терминология, что позволяет говорить о научном подходе к данному вопросу, а не простом выговаривании противоречий на основе здравого смысла, возникающих в ходе рассуждения.

Различны и правила построения диалогов. Если герой Платона наводит собеседника на необходимые мысли, приводит его к противоречию, которое он не может разрешить, то Аристотель, наоборот, предоставляет свободу своему собеседнику и делает его ответственным за все противоречия, появляющиеся по ходу диалога. Аристотель рассматривает софистические силлогизмы и называет их паралогизмами, т.е. ложно построенными суждениями в результате непреднамеренной логической ошибки. Он как бы ожидает от собеседника этой логической ошибки и на основе ее строит суждение. В этом, по мнению Аристотеля, суть софистических умозаключений.

Так же как и Платон, Аристотель утверждает, что софистика есть лишь мнимая мудрость, так как опирается на мнимые доводы и умозаключения. Аристотель называет доводы софистов в беседах эристическими, т.е. такими, которые «заключают или кажутся заключающими от [мнений], кажутся правдоподобными, но не действительно правдоподобны» [1, с. 537]. Победа в споре и мнимая мудрость – вот то, что интересует софиста. Для этого в диалоге, по классификации Аристотеля, софисты преследуют пять целей:

- 1) опровержение (они пытаются создать видимость того, что что-то опровергают);
- 2) ложное (они стремятся показать, что собеседник говорит неправду);
- 3) несогласующееся с общепринятым (то, что необщепринято, легко критиковать на публике, поэтому необходимо привести своего оппонента к выговариванию необщепринятого);
- 4) погрешность в речи (своими доводами они стремятся заставить отвечающего говорить неправильно – «подобно чужестранцу»);
- 5) принуждение собеседника к пустословию, т.е. к частому повторению одного и того же.

Софистические уловки получаются из незнания и непонимания сути высказываний. Аристотель полагает, что действительно мудрые должны обличать ложь и вскрывать противоречивость софистических умозаключений. Но если логика Платона в этом аспекте завязана на фигуры участников и все время вынуждена обращаться непосредственно к опыту, то логика форм Аристотеля трансцендирует диалог, выделяя в нем общезначимые правила, знание которых позволяет раскрывать софистические уловки. Тексты Аристотеля, по сути, и есть сборник этих правил. Попытаемся же их перечислить и раскрыть.

Итак, Аристотель тщательно классифицирует все понятия и термины, структурирует материал. У Платона Сократ в разговоре с Протагором просит его высказываться кратко и четко, а не пространными монологами. Аристотель подмечает эту особенность софистов и соглашается с Платоном в том, что софист имеет целью показать ложность высказываний оппонента, запутать его и заставить повторяться. Для этого софист пользуется следующими

средствами: первое средство для опровержения – это пространность речи; второе – быстрота речи; третье – возбуждение гнева и подзадоривание; четвертое – постановка вопросов попеременно, когда имеется много доводов или против одного и того же, или за и против.

Для борьбы с паралогизмами Аристотель вводит законы, которые позволяют обнаружить несоответствие в речах софиста. Сократ же исходит только из здравого смысла, однако руководствуется по сути теми же законами.

Аристотель полагает, что софисты пользуются незнанием отвечающего и доказывают ему то, что выгодно им, не касаясь предмета обсуждения. Таким образом, Аристотель утверждает, что задача наблюдения и выявления противоречий лежит на том, кто задает вопрос, он должен указывать собеседнику на его ошибки с целью установления истины в споре. Далее Аристотель утверждает, что для всякого опровержения нужны знания и что отсутствие знаний может привести к неразрешимости проблемы. Он приводит примеры споров в различных научных областях, утверждая, что для диалога мало знаний общих категорий, собеседникам необходимы специальные знания о предмете диалога, иначе невозможно будет что-либо доказать друг другу.

Аристотель считает слова лишь обозначением смыслов, поэтому он считает неразделимыми опровержения касающиеся смысла и касающиеся слова. Он приводит классификацию опровержений, основанных на неправильном употреблении словесных выражений: одноименность, двусмысленность, соединение, разъединение, ударение или произношение и форма выражения (от оборотов речи). Не от оборотов речи: первый – от приводящего; второй – такие, в которых говорится о [присущем] вообще или же не вообще, а в каком-то отношении, в каком-то месте, в какое-то время и по отношению к чему-то; третий – от незнания [сути] опровержения; четвертый – от следования; пятый – от принятия положенного вначале; шестой – такие, в которых то, что не есть причина, выдается за причину; седьмой – такие, в которых многие вопросы сводят к одному вопросу.

Аристотель проводит разграничение между испытанием и доказательством: «требовать утверждения или отрицания – это дело не доказывающего, а испытующего» [1, с. 554].

У Платона Сократ в диалоге с Протагором просит его отвечать только на поставленный вопрос и не уходить в сторону. Аристотель доказывает, что так можно избежать перехода к ложным суждениям, так как софист желает уличить собеседника во лжи и будет отвечать на вопросы абстрактно, и задавать такие же абстрактные вопросы, имеющие косвенное отношение к теме либо не имеющие отношения вообще.

Говоря о речевых повторах, Аристотель приводит следующий пример: имеется ли влечение к удовольствию? Но влечение есть стремление к удовольствию; значит, влечение есть стремление к удовольствию к удовольст-

вию. Подобная вещь происходит из-за непонимания собеседником значения тех или иных слов либо оборотов речи. К речевым ошибкам в разговоре можно также отнести и погрешности в речи.

Далее Аристотель приводит конкретные методы раскрытия софистических уловок. К примеру, опровержения, основанные на разъединении, раскрываются так: если речь в разъединенном и соединенном виде имеет разный смысл, то следует говорить противоположное заключению [софиста].

Для отвечающего у Аристотеля есть следующие рекомендации: с софистами следует бороться как с теми, кто опровергает лишь по видимости, а не по сути вещей; следует внимательно относиться к мнимым, а не к действительным опровержениям; там, где посылка выражена неотчетливо, нельзя соглашаться прямо (нужно уточнять посылку).

Таковы общие правила раскрытия софистических уловок. Как мы видим, между формальными правилами ведения диалога у Аристотеля и речами участников диалога у Платона нет противоречий, скорее, можно отметить преемственность идей: стратегия Аристотеля – это опыт рационализации платоновского подхода. Но рационализации творческой, в результате которой произошло смещение центра диалога с фигуры Сократа, задающего тон и правила, на общезначимые формы и правила, позволяющие вести диалог на равных.

Но насколько рассмотренные подходы к ведению диалога актуальны на сегодняшний день? Или же умозрительное раскрытие истины в споре является хоть и красивой, но давно устаревшей стратегией? С нашей точки зрения, актуальность темы не утрачена, а наоборот, сохраняется, так как является базисной для постановки проблемы и дальнейшего ее рассмотрения в научном познании. Также рассмотренные способы ведения диалога имеют и практическую значимость. Протагор, будучи софистом, использует пространственные и длинные речи. За его красноречием легко спрятать от несведущего человека ошибки и неточности в определениях, объяснить необъяснимое и опровергнуть всякое суждение. Такой подход применим в политике, когда нужно не искать истину, а агитировать толпу. Таким методом можно скорее общаться с малограмотными людьми. Софистический подход к диалогу с понимающим человеком приведет к разгрому софистики, так как понимающий не упустит сути и вскрыет противоречия в суждениях собеседника. Подход Платона, как и Аристотеля, направлен на поиск истины, а не на пустой разговор с толпой. Однако специфика построения сократического диалога скорее подходит для беседы учителя и ученика. Ведь учитель не только раскрывает для ученика все противоречия, но и подробно их разбирает. Он предлагает собеседнику следовать его мыслям, помогает понять логику рассуждений, а это лучший способ обучения. Подход же Аристотеля применим там, где имеет место диалог равных по силе и умению людей, задача которых дойти до истины. Для этой цели каждый из них должен следить за ошибками в речи и сужде-

ниях другого, но не исправлять их, а только указывать, давая собеседнику возможность самостоятельно исправить их. Если же это не удастся (ведь софист, к примеру, будет тщательно скрывать свои ошибки и не признает их), необходимо пользоваться теми советами, которые Аристотель дает для раскрытия софистических умозаключений. На наш взгляд, подход Аристотеля наиболее применим в спорах с софистами, так как позволяет, используя только суждения собеседника, вскрыть ошибки в них и доказать несостоятельность его доводов не прибегая к собственным суждениям (не нужно подобно Платону строить и доказывать свою концепцию, противоречащую представленной, а можно использовать концепцию собеседника).

Список литературы

1. Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. 2. – М., 1978. – С. 535–593.
2. Лосев А.Ф. Комментарии к диалогам Платона. – Киев: PSYLIB, 2005.
3. Платон. Протагор [Электронный ресурс] / пер. с греч. В.С. Соловьева. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/greek/platon/platon02.htm/> (дата обращения: 15.11.2011).
4. Платон. Менон [Электронный ресурс]. – URL: <http://philosophy.ru/library/plato/menon.html/> (дата обращения: 15.11.2011).
5. Платон. Евтидем [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/evtid.htm/> (дата обращения: 15.11.2011).
6. Марков Б.В. Философия: учеб. для вузов. – СПб.: Питер, 2009. – 432 с.

Получено 21.05.2012

I.S. Luzyanin, N.V. Stolbova

THE LOGIC OF FORMS AND FIGURES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE STRATEGIES OF OBJECTION TO SOPHISTICAL CONCLUSIONS

The paper examines two ways of speculative finding of the truth in disputes: on the one hand, Plato dialogue, with a considerable importance of participants' figures set, on the other hand – general rules of revealing sophistical conclusions proposed by Aristotle. Dealing with these practices is not accidental, while the examined approaches are basic for problem statement and its further investigation within the framework of scientific knowledge.

Keywords: dialogue, sophistical objections, figures, forms, conclusions.